

Моя прабабушка, Чистова (в замужестве Смирнова) Клавдия Михайловна, родилась 31 (18) мая 1907 года в деревне Быково Тёсовской волости Сычёвского уезда Смоленской губернии Российской империи. Клавдия была второй в семье из десяти детей. Отец, Чистов Михаил Сергеевич (1876–1943), был образованным человеком, умел читать и писать. Работал на земле. Чтоб прокормить большую семью, подрабатывал коммивояжёром, ездил по губернским городам, рекламируя швейную продукцию фирмы «Singer». Мать — Лермонтова Мария Алексеевна (1887–1985), домохозяйка — воспитывала десятерых детей. Награждена орденом «Мать-героиня». Детям дали следующие имена, по старшинству: Евфросинья (1903), Клавдия (1907), Николай (1909), Раиса (1912), Александр (1916), Анатолий (1918), Сергей (1922), Леонид (1924), Валентина (1926), Лариса (1929).

Жили скромно. Все дети помогали родителям по хозяйству, каждый имел свои обязанности. В 1924 г. Клавдия окончила полный курс Тёсовской единой Трудовой девятилетней школы. После революции, как вспоминала Клавдия Михайловна, однажды отец

пришёл домой и сказал, что организовали коммуну, куда пришлось отдать сельскохозяйственные орудия труда и живность. Но через несколько месяцев хозяйство в коммуне пришло в упадок, т. к. одни люди работали на совесть, а другие нет. Тогда всё, что осталось, раздали назад.

Смирнова
Клавдия
Михайловна

Смирнов
Алексей
Иванович

С установлением советской власти молодёжь стали агитировать вступать в комсомол. После одного из таких собраний, активным участником которых была Клавдия, её пошёл провожать вернувшийся с гражданской войны видный и статный командир Красной Армии Алексей Смирнов. Шли берегом реки. Она запела песню, Алексей под-

хватил — у него оказался красивый голос. Так из дуэта родилась семья. Поженились в деревне в 1925 году, затем молодые переехали в Ленинград.

Алексей, будучи членом ВКП (б) с 1917 года, служил заместителем командира ЧОНа. После работал секретарём коммунистической парторганизации в литейном цехе. По характеру Алексей был рассудительным, прямодушным, жильцы дома часто обращались к нему по разным вопросам — всегда помогал решить. Клавдия была красивой, отзывчивой, с решительным характером. До войны к ней в коммуналку на ул. Мясной приезжали некоторые её сёстры и братья. В скором времени они получили собственное жильё и стали ленинградцами. 18 декабря 1927 г. у молодой семьи родилась дочь Рая.

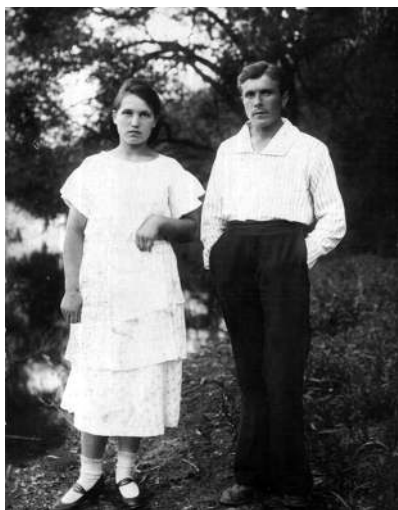
Алексей хотел, чтоб Клавдия научилась играть на гитаре. Она брала

Дочь — Смирнова Рая

Клавдия Михайловна — представитель комсомольской ячейки
дер. Сулимово — на волостном слёте активистов

Смирновы А.И. и К.М., 1926 г.

Смирновы в Петергофе, 1937 г.

уроки у друга и быстро освоила игру на семиструнке. «Очаровательные глазки» — любимый романс Алексея, и Клавдия часто его исполняла:

Очаровательные глазки,
Очаровали вы меня.
В вас много жизни, много ласки,
Как много страсти и огня.

По воспоминаниям гостей многочисленных семейных праздников и застолий, у Клавдии было контральто, её исполнение обладало особым магнетизмом и благородством, заставляло трепетать многие мужские сердца:

Я опущусь на дно морское,
Я поднимусь под облака,
Я всё отдам тебе земное,
Лишь только ты люби меня.

Алексей умер совсем молодым от туберкулёза, 17 января 1939 года. Герой гражданской войны, защищавший Гатчину от Юденича, парторг завода, большевик с наганом — таким он остался в памяти родных. Позже ему пришла повестка в армию, шла подготовка к Финской войне. На квартиру пришёл наряд выяснять, почему не явился. Клавдия показала свидетельство о смерти.

Так во время Великой Отечественной войны Клавдия Смирнова осталась одна в осаждённом Ленинграде. Дочь Рая была в родной деревне Быково у бабушки Марии Алексеевны в Смоленской области. В блокаду Клавдия активно участвовала в обороне города — днём ходила рыть противотанковые рвы, ночью тушила зажигательные бомбы в пожарном звене на крышах домов Октябрьского района. По её воспоминаниям, тогда, чтобы выжить, собирали и отваривали еловую хвою, вместо чая пили подсоленный кипяток. Варили кисель — безвкусный серый студень из отрубей.

Клавдия не любила рассказывать про блокадное время. Помнит, как опасно было ходить по краям улицы, можно было стать жертвой обезумевших от голода людей. В одной из комнат коммуналки жили священник с внучкой. Они умерли от голода зимой 1942 г. — внучка потеряла хлебные карточки. Когда управдом пришёл печатывать их комнату, увидел, что вся стена была в иконах.

На Канонерскую улицу свозили умерших от голода ленинградцев, складывая тела рядами. После войны на этом месте построили среднюю школу № 234, в которой позже учились внуки Клавдии — Юрий и Марина.

Деревня Быково, где была дочь Клавдии Рая, в сентябре 1941 года оказалась оккупированной немцами. В избу, где она жила с бабушкой, поселили трёх немецких солдат. Она помнит, как вошёл офицер и повесил на стену листовку с портретом Гит-

лера. Как только за ним закрылась дверь, один из немецких солдат сорвал плакат со словами: «Я — коммунист».

Также она помнит, как однажды была с детьми на улице, подъехала машина, из неё вышел пожилой немецкий офицер. Увидев, что девочка одета по-городскому, он спросил, откуда она. Рая, изучавшая немецкий язык в школе, ответила — из Ленинграда. Оказалось, что этот немец бывал в дореволюционном Петербурге и посещал Мариинский театр, Елисеевский торговый дом, гулял по Невскому проспекту. Он спросил, сохранились ли эти названия. Рая сказала, что Невский проспект теперь называется Проспект 25 Октября.

— Где твои родители, девочка?

Рая ответила, что отец умер, а мать — в осаждённом городе.

— Мы скоро возьмём Ленинград, и ты увидишь свою мать.

— Нет, вы не возьмёте город!

Она, как её мать и сотни тысяч ленинградцев, свято верила в Победу, в светлый мирный день, который обязательно настанет.

При наступлении Красной Армии, после стычки с партизанами, немцы сожгли деревню Быково, Рая с бабушкой укрылись в соседней деревне. Дедушка Михаил Сергеевич до последнего не хотел выходить из избы — не верил, что могут поджечь дом, если в нём люди.

После прорыва блокады Клавдия встретила с дочерью.

Клавдия так похудела за время блокады, что пила хлебные дрожжи, чтоб немного поправиться. Пережив ужас голода, в мирное время она никогда не выбрасывала ни крошки хлеба, сушила сухари. Когда в 1947 году отменили хлебные карточки, ленинградцы не верили, что хлеб поступит в свободную продажу, и ходили смотреть на него в витрины магазинов, как на музейную ценность.

Все пятеро братьев Клавдии воевали.

Николай (19.12.1909–26.04.1998) воевал в автомобильных войсках на Ленинградском фронте. Награждён орденом Отечественной войны II степени. Александр (1916–20.10.1942), лётчик, погиб, защищая Москву. Анатолий (1918–2005) встретил войну пограничником в Волынской области УССР. Сергей (1922 — сентябрь 1941) ушёл на фронт добровольцем. Пропал без вести на Невском пятачке в сентябре 1941 г. Леонид (29.03.1924–20.12.2012) воевал на Прибалтийском фронте. Был дважды ранен. Продолжил воевать и закончил войну в Кёнигсберге командиром артиллерийского расчёта. Награждён медалью «За взятие Кёнигсберга».

Клавдия Михайловна была награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» и «За оборону Ленинграда».

В мирное время Клавдия Михайловна работала старшим бухгалтером райжилуправления Октябрьского (Адмиралтейского) района г. Ленинграда. За свою достойную жизнь она воспитала дочь и двух внуков. Клавдия умерла 25 июля 1993 года и была похоронена на Красненьком кладбище в Петербурге.

В Вырице на 3-й платформе осталась дача — прабабушкино наследство. Семиструнку украли, а вот портрет хозяйки дома висит на первом этаже в комнате рядом с огромным старинным зеркалом. Всякий раз, приезжая на дачу, смотрю на портрет. А затем смотрю в зеркало — и нахожу в себе прабабушкины черты.

Не пахнут улицы хлебами,
И булок аромат простыл,
И над блокадными губами
Висят голодные кресты.

А губы стонут: хлеба крошку! —
Все девятьсот ночей и дней.
И дети, нет, не понарошку,
Еду рисуют на стене.

А в школьных нынешних столовых
Бросают на пол дети хлеб,
Не помня слабых и голодных
Людей, забывших о тепле.

Тех, кто отчаянно сражался,
Оберегая Ленинград.
Беспамятства чумное жало
Страшнее смерти во сто крат.

И пульс не слышат метронома,
Звучащий как великий гимн,
Тем, кто погиб в воронке дома,
Кто свой паёк отдал другим.

Победа. Прорвана Блокада.
Но плачут в небе журавли
За не вернувшихся когда-то,
За хлеб, не поднятый с земли.

Санкт-Петербург